

Весь мир

**ВЛАДИМИР
ЖАБОТИНСКИЙ**

*Еврейский
легион*

**ВОСПОМИНАНИЯ
ЛИДЕРА СИОНИЗМА**

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

2021

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8
Ж 12

Жаботинский В.Е.

Ж 12 Еврейский легион. Воспоминания лидера сионизма. — М.: Родина, 2021. — 224 с. — (Весь мир).

ISBN 978-5-00180-352-2

Владимир Евгеньевич Жаботинский (при рождении — Вольф Евнович Жаботинский) родился в России, в городе Одессе, и еще в молодости стал признанным лидером правого сионизма.

Покинув Россию, Жаботинский стал создателем «Еврейского легиона» и знаменитых организаций «Иргун» и «Бейтар». Радикальный национализм и ставка на силовые решения давали основания оппонентам Жаботинского обвинять его в фашизме, а левым сионистам — давать ему прозвища вроде «дуче» и «Владимир Гитлер».

В книге, представленной вашему вниманию, собраны самые известные публицистические произведения Владимира Жаботинского, касающиеся сионизма в целом и еврейского национализма, в частности. В России эти произведения издаются впервые.

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-00180-352-2

© ООО «Издательство Родина», 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Владимир (Зеев-Вольф, Вольф Евнович) Жаботинский родился в Одессе 18 октября 1880 года (12 хешвана 5641 года), в ассимилированной еврейской семье. Отец, Евно (Евгений Григорьевич) Жаботинский, служащий Российского общества мореходства и торговли, занимавшийся закупкой и продажей пшеницы, был выходцем из Никополя; мать, Хава (Эвва, Ева Марковна) Зак, была родом из Бердичева. Старший брат Мирон умер ребенком; сестра Тереза (Тамара, Таня) Евгеньевна Жаботинская-Копп была учредительницей частной женской гимназии в Одессе.

Когда Владимиру исполнилось шесть лет, его отец умер, но мать, несмотря на наступившую бедность, открыла лавку по торговле письменными принадлежностями и определила сына в гимназию в Одессе. В гимназии Жаботинский учился посредственно и курса не закончил, так как, увлекшись журналистикой, с 16 лет стал публиковаться в крупнейшей российской провинциальной газете «Одесский листок» и был послан этой газетой корреспондентом в Швейцарию и Италию; также сотрудничал с газетой «Одесские новости». Высшее образование получил в Римском университете по кафедре права.

Перед Пасхой 1903 года Владимир Жаботинский стал одним из организаторов первого в России отряда еврейской самообороны (ожидавшийся погром, однако, произошел не в Одессе, а в Кишиневе). В августе того же года Жаботинский был делегирован на 6-й сионистский конгресс в Базеле, и с этого момента начинает принимать активное участие в сионистском движении. В начале 1904 года он переехал в Петербург и вошел в состав редколлегии нового сионистского ежемесячного журнала на русском языке «Еврейская жизнь» (в дальнейшем «Рассвет»), с 1907 ставшим официальным ор-

ганом сионистского движения в России. На страницах этой газеты Жаботинский вел ожесточенную полемику против сторонников ассимиляции и Бунда.

С началом Первой мировой войны Владимир Жаботинский выдвинул идею, что сионистам следует однозначно принять сторону Антанты и сформировать в ее составе еврейскую армию, которая бы приняла участие в освобождении Палестины и затем стала костяком организации там еврейского государства. Находясь в Египте, Жаботинский совместно с Иосифом Трумпельдором сформировал «Еврейский легион» в составе британской армии.

После войны Жаботинский поселился в Палестине. Весной 1920 года он был арестован английскими властями за организацию самообороны во время арабо-еврейских столкновений; заключен в крепости в Акко и приговорен к 15 годам каторги, но вскоре освобожден по амнистии. По освобождении Жаботинский был избран в руководство Всемирной сионистской организации, но очень быстро у него возникают идейные расхождения с большинством, включая лидера организации Вейцмана. Они касались следующих пунктов: сторонники Вейцмана считали, что декларация Бальфура дала все необходимые политические гарантии, и дело сионистов заключается отныне в сельскохозяйственной колонизации Палестины и создании базиса для «национального очага» — однако Жаботинский требовал усиления в деятельности сионистов политического элемента и гарантий еврейской государственности «на обоих берегах Иордана». Сторонники Вейцмана в своей внешнеполитической деятельности уповали исключительно на дипломатические методы — Жаботинский настаивал на силовом давлении как на мандатные власти, так и на палестинских арабов.

Жаботинский резко выступал против господствующих в сионистском движении социалистических идей, указывая, что классовая борьба подрывает необходимое евреям национальное единство; он выдвинул лозунг: «только одно знамя» и сравнивал совмещение социализма и сионизма с поклонением двум богам сразу.

В 1923 году Жаботинский вышел из правления Всемирной сионистской организации в знак протеста против принятия ею «Белой книги» У. Черчилля, констатирующей невозможность превраще-

ния Палестины в мононациональную еврейскую страну. В 1925 году круг сторонников Жаботинского организационно оформился в Союз сионистов-ревизионистов со штаб-квартирой в Париже. На 15-м конгрессе Всемирной сионистской организации фракция ревизионистов предложила объявить создание еврейского государства официальной целью движения, но не получила поддержки.

В 1933 году Жаботинский добился выхода Союза сионистов-ревизионистов из Всемирной сионистской организации. Попытка примирения между Жаботинским и Бен-Гурионом (как представителем левых сионистов), предпринятая при посредничестве Петра Рутенберга (бывшего российского эсера, соучастника убийства Георгия Гапона, с 1920-х годов — промышленника и руководителя «Хаганы» в Палестине), не встретила поддержки среди левых сионистов и провалилась.

Окончательно раскол в сионистском движении оформился в 1935 году с образованием «Новой сионистской организации» под председательством Жаботинского, со следующей программой: «1) создание еврейского большинства на обоих берегах Иордана; 2) учреждение еврейского государства в Палестине на основе разума и справедливости в духе Торы; 3) репатриация в Палестину всех евреев, которые желают этого; 4) ликвидация диаспоры». Подчеркивалось, что «эти цели стоят выше интересов личностей, групп или классов». Штаб-квартира новой организации находилась в Лондоне.

4 августа 1940 года Владимир Жаботинский умер. В 1964 году прах Жаботинского был перезахоронен в Иерусалиме на горе Герцля — как это требовал сам Жаботинский в своем завещании от 1935 года.

Из ревизионистского движения, созданного Жаботинским, вышли современные израильские «правые», которые в лице блока «Ликуд» с 1970-х гг. играют виднейшую роль в политической жизни Израиля.

В Тель-Авиве есть Институт Жаботинского, занимающийся увековечиванием его памяти и наследия. В том же здании находится штаб-квартира партии «Ликуд».

ЕВРЕИ В РОССИИ

*ЕВРЕЙСКАЯ КРАМОЛА**

...Наша еврейская затрата на дело обновления России не была соразмерна ни с нашими интересами, ни с нашим значением, ни с нашими силами. Даже в моменты наибольшего опьянения надеждами не было в рядах еврейской армии ни одного глупца настолько бессовестного, чтобы ждать от успеха борьбы полного ответа на еврейский вопрос, — ни одного, кто в глубине души не понимал бы, что в обновленной России нам придется жить с теми же соседями, а психология соседей в этом отношении еще нигде и никогда не перерождалась от политической реформы, и суть неравенства не меняется от замены казенного гнета общественным непризнанием.

Это все понимали. Все понимали, что нам обновление России даст меньше, непомерно меньше, и все же мы заплатили больше, непомерно, безумно больше того, что могли заплатить, и того, что стоило заплатить. В течение пятнадцати лет мы собственной волей систематически вносили на алтарь общего дела удешевленную живую подать, а когда взошел посев, судьба взыскала с нас уже помимо нашей воли неслыханную доплату... Кто же был прав? Или все это теперь окупится? Или не разумнее было бы для раздавленного и опустошенного племени уступить переднее место в бою сильнейшим? И если даже поверить, что от этого, по чужой косности, ход событий растянулся бы на более долгие годы. Кто решится сказать, что не лучше было бы для нашего народа встретить обновление позже, но не за такую цену?

* Печатается с небольшими сокращениями.

Наши политические плясуны в ответ на все это кричат о психологии лавочника, о мелочных расчетах, достойных мещанской глуши. Да. Над народным достоянием и благом честный человек должен стоять на страже скупой и расчетливой, как лавочник над своею кровной кассой. Семь раз отмерь и один раз отрежь — это правило мещанина, но политическая партия совершает низкое и нечестное дело, если она хоть на мгновение забывает об этом правиле. Звать массу на трудный подвиг, не взвесив раньше до золотника, во что это ей обойдется, не разорит ли ее непомерное бремя и стоит ли вся игра свеч, — это значит быть в худшем случае предателем, в лучшем случае болтуном. — Но тут есть и другая сторона расчета. Наши затраты не окупятся для нас, но окупятся ли они хоть для общего дела? Правда ли то, что еврейская энергия облегчила и ускорила восход русской свободы?

За каждым из нас должно быть признано право, на исходе определенного периода истории, в такие дни затишья, как нынешние, сесть за стол и подсчитать итоги, подсчитать все то хорошее и все то дурное, что произошло от участия нашего народа в революции. Я хочу это сделать. Попытаюсь это сделать исключительно с помощью трезвого рассудка, намеренно сухо, без всяких апелляций к чувству. Речь идет о подсчете, об итоге, и я хочу действовать, как безличный и добросовестный бухгалтер, у которого, быть может, не все данные в руках, но одна только прямая цель — получить, насколько это в его силах, правильный баланс.

Хотя мое представление так формулирует роль, сыгранную в освободительном движении евреями.

Революции не было. Надо было вызвать ее. И это взяли на себя евреи. Они — легко воспламеняющийся материал, они — грибок фермента, который призван был возбудить брожение в огромной, тяжелой на подъем России. И так далее. Все это много раз уже сказано, много раз писано черным на белом и считается большой истиной. Но я, счетовод, над этой затратой еврейского народа останавливаюсь в нелегком раздумьи и не знаю, окупилась ли она.

О, бесспорно, это заманчивая задача: быть застрельщиками великого дела, разбудить политическое сознание в 150-миллионном народе, поднять красное знамя в Литве так высоко, чтоб увидал и Тамбов, и Саратов, и Кострома — чтоб увидали и сказали друг другу: «Пойдем за ним». И, конечно, все это было сделано, поскольку оно зависело от еврейских революционеров: знамя было поднято, и так высоко, и с таким шумом, что Кострома, несомненно, увидела. Но какое действие произвело это на политическое сознание Костромы?

Я вспоминаю, отмечаю, подсчитываю, и вижу ясно, что действие было двоякого рода. С одной стороны. Кострома, бесспорно, вводилась и искушение. Эта борьба на другом конце России не могла не вызывать у нее, Костромы, соблазнительной мысли: значит, можно и у нас попробовать тем же манером? В то же время отдельные евреи добирались и до самой Костромы и лично старались там претворить эту соблазнительную мысль в действие. Все это вело, конечно, к пробуждению политического сознания. Но... А с другой стороны?

Я вспоминаю потемкинские дни в одесском порту. Огромная толпа гаванских и заводских рабочих, самодельная трибуна и ораторы на этой трибуне. Днем толпа еще не была пьяна, даже не подозревала, что через несколько часов она же будет лизать ликер с булыжника мостовой и жечь пакгаузы. Днем толпа эта была настроена несколько торжественно и необычайно, благодаря присутствию мертвеца в палатке и вообще всей обстановке того странного дня. Толпа была в том состоянии неопределенного подъема, когда из нее можно сделать все, что угодно: и мятеж, и погром. Речистый молодец, с открытым славянским лицом и широкими плечами, мог бы ее повести за собой штурмом на город. И ораторов, действительно, слушали с захватывающим вниманием. Но речистый добрый молодец не появлялся, а выходили больше «знакомые все лица» — с большими круглыми глазами, с большими ушами и нечистым «р». И в толпе всякий раз, со второго слова каждого оратора, слышалось замечание: А он жид? Именно замечание, а не возглас, не окрик: в этом, сохрани Боже,